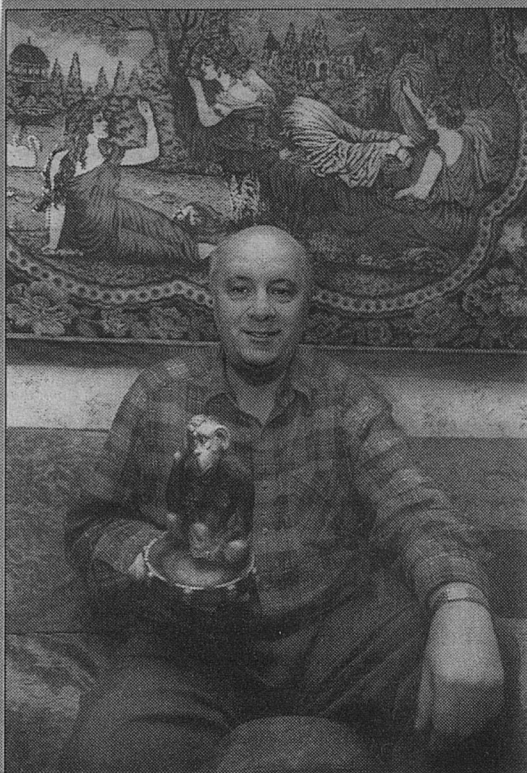

- АРКАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ, чувство юмора меняется с возрастом?

- Оно становится печальнее. Потому что начинаешь понимать все несовершенство жизни. Понимаешь, что жизнь конечна, что все твои юмористические попытки что-то изменить никаких реальных результатов не приносят. Бороться с этим ни в коем случае нельзя - это прекрасное чувство. Мне кажется, очень мудрое, потому что лишено юношеского задора, телячьего восторга, присущего молодости. Смотрите! Во все эпохи существовали юные поэты, блистательные поэты - вспомните хотя бы Пушкина, Лермонтова. Но я совершенно не знаю 16-летних юмористов. Сатирик, юморист - это человек в возрасте, как правило, получивший в юности какую-то профессию (врача, инженера) и по этой профессии поработавший. Жизнь должна надавать по

АРКАДИЙ ИНИН не любит, когда его называют сатириком. "Я - юморист", - подчеркивает он. Возможно, он прав, потому что его рассказы и сценарии (вспомните фильмы "Однажды двадцать лет спустя", "Одиноким предоставляется общежитие", "На Дерибасовской хорошая погода" и проч.) всегда отличались мягким юмором с легким привкусом грусти. Сатирики действительно так не пишут - те обличают, клеймят, а Инин просто рассказывает.

Женщина - давно не тайна

башке, чтобы ты научился смеяться или смешить других. Только человек, имеющий определенный жизненный опыт, начинает понимать комизм или лиризм определенных ситуаций - что значит любовь, потеря любви, первые разочарования и проч.

- Если посмотреть в историческом разрезе на то, над чем смеется нация, можно ли сделать вывод, регрессирует она или развивается?

- Да не хочу я говорить про всю нацию! Уже давно (и не мною!) замечено, что сознание нации меняется, когда начинает меняться социальный строй в стране. Чем хуже живет народ, чем в более жесткие, тоталитарные условия его загоняют, тем ярче, острее, интеллектуальнее его искусство. Чем лучше начинает жить народ, тем тупее и глупее становится то, чем он интересуется. И наше искусство времен тоталитаризма было гораздо выше, чем юмор, литература, искусство богатых и сытых стран. А сегодня публика охотнее всего смеется над пустяками, над тем, что не требует никаких умственных усилий. В основном - над тем, что располагается ниже пояса. Это не

плохо и не хорошо - это факт жизни.

- Сатирику в таких условиях проще работать?

- Про сатириков ничего не знаю. Потому как сатириком никогда не был, я - юморист. Чтобы быть сатириком, видимо, надо ощущать свое совершенство, превосходство над всем миром. Иначе как же будешь клеймить других, если чувствуешь, что сам несовершенен? А так как я себя совершенно не считаю совершенным, то никогда никого не клеймил, не высмеивал, а всегда смеялся над самим собой. И если то смешное, что находил в себе, совпадало с тем, что думают о себе мои зрители, люди смеялись. Возвращаясь к сатирикам... Мне кажется, что жить им стало тяжелее. Что ж клеймить, когда все уже открыто сказано?

- А вам?

- А мне живется нормально. Потому что все, над чем я смеялся, - вечно: человеческая лень, глупость, любовь и разлука, встречи и надежды.

- Свои истории вы с кого "списываете" - с себя или с тех ситуаций, что в жизни подсмотрели?

- Всего намешано. И в себе что-то откапываю, и наблюдаю вокруг, и подслушиваю в поездах, в самолетах, на улице. Случается, что и ворую какую-нибудь смешную шутку у коллег. Это же святое дело! На самом деле так поступают все юмористы. Когда

мы только начали работать вместе с Гайдаем, я, вспоминая его старые картины - "Самогонщики" и прочие, - сказал как-то, что мне очень понравился у него один трюк. А Гайдай был человеком, обладавшим абсолютной детской непосредственностью. И он так обрадовался моей похвале, что признался: "А я ведь это спер у Чаплина". Потом посмотрел этот трюк у Чаплина и сравнил с тем, что сделал Гайдай. Оказалось, что Гайдай изменил его до неузнаваемости, чаплинский прием стал лишь толчком к развиту его фантазии. Так что дословно никто никого и ничего не цитирует. К примеру, картина "Однажды двадцать лет спустя" про маму десятилетних детей, где сыграла замечательная Наташа Гундарева, родилась из письма, которое я прочел в "Литературной газете". Молодая мама-героиня из Подмоскovieй клеймила всю нашу систему лицемерную, которая только рассказывает о любви и уважении к матерям-героиням, а на самом деле живется им очень тяжело. Но я почему-то увидел в этой истории повод для комедии. Более того, я ей послал письмо с просьбой встретиться, чтобы обговорить возможность создания сценария. Но она мне ответила гневным посланием: "Не морочьте голову! Какие могут быть комедии?! Никакого повода для шуток нет, а лучше помогите

материально". В итоге я нашел общество матерей-героинь, где собрались пожилые женщины. Они детей уже вырастили и вспоминали только светлое и хорошее, в том числе и очень много смешного. Я потом многие из рассказанных ими эпизодов включил в фильм.

- А в быту вам чувство юмора помогло?

- Конечно! Без юмора живым из этой жизни вообще не выбраться!

- И как это выглядело?

- Да нет у меня никаких примеров!

- Хорошо, я подскажу. Представим, у вас угнали машину, после чего любой нормальный человек впадает в глубокую депрессию.

- А я не впадаю. Потому что машины у меня нет и никогда не было. И дачи нет. И это тоже юмористический подход к жизни. Как в той песне: "Если у вас нету дома, пожары ему не страшны". Это помогает. Даже кошелек у меня никогда в жизни не было. Деньги я всегда ношу в паспорте, а мелочь - в кармане пиджака.

- Героини почти всех ваших произведений - женщины. Видимо, вы узнали про нас что-то такое, чего мы про себя, может, и не знаем.

- Рассказы про то, что женщина - это тайна, - сплошной детский сад. Да какой там бином Ньютона, все-таки два! Пишу про женщин и для женщин совсем не потому, что такой их знаток. Делаю это исключительно из прагматических соображений. Любый кино-, театральный или концертный зал обычно на четыре пятых состоит из женщин. Женщины тянутся к искусству, женщины - главный зрительский "мотор". Поэтому и пишу про то, что интересно именно им.

Юлия ШИГАРЕВА
Фото Сергея ИВАНОВА